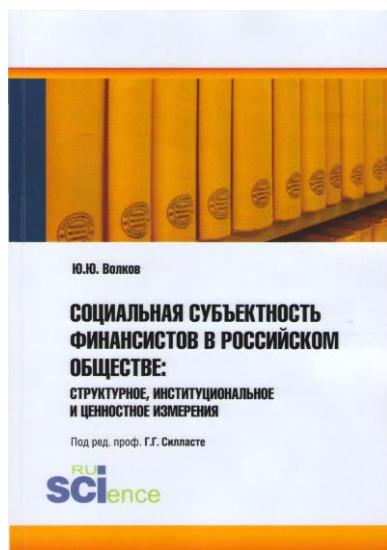

РЕЦЕНЗИИ

Финансово-экономическая деятельность в современном российском обществе (о монографии Ю.Ю. Волкова «Социальная субъектность финансистов в российском обществе: структурное, институциональное и ценностное измерения» (М., 2015))¹

Гуськов Игорь Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения ЮФУ; первый заместитель губернатора Ростовской области.

Актуальность монографии Ю.Ю. Волкова «Социальная субъектность финансистов в российском обществе: структурное, институциональное и ценностное измерения» не вызывает сомнения, так как обусловлена современным кризисным состоянием финансово-экономической системы в России и способностью финансистов как профессиональной группы влиять на экономическое поведение населения и решать проблемы, связанные с банковским сектором.

По последним исследованиям Центрального банка, индекс финансовых знаний населения России в 2015 г. равен 1,97 по шкале от 0 до 6. По данным 2014 г. Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), только 10 % банковских клиентов интересуются и знают свою кредитную историю, а 85 % опрошенных никогда ее не проверяли. Только 13 % респондентов оценивают свою финансовую грамотность на 5. Таким образом, для российского общества характерны не только финансовая безграмотность, но и низкая финансовая дисциплина.

¹ Волков Ю.Ю. Социальная субъектность финансистов в российском обществе: структурное, институциональное и ценностное измерения. М., 2015.

Усугубляет ситуацию и синкретизм ценностей российской и западноевропейской цивилизаций в массовом сознании россиян. В свете того, что либеральные ценности Запада не являются нормативными для россиян и только начали укрепляться в их массовом сознании, профессиональная группа финансистов не признается в качестве социально полезной по сравнению с традиционными группами бюджетников – людьми труда. В этих условиях социально-профессиональная группа финансистов ассоциируется с критерием достаточности и отождествляется в массовом сознании российского общества как финансовая олигархия – наиболее обеспеченная социальная группа.

Примечательно, что автор отказался от тотального применения социально-стратификационного подхода, однако отметил, что изучение базовой и средней страты представителей финансово-банковской системы наиболее репрезентативно отразит социальную субъектность финансистов. В отличие от «верхушки» банковского сектора для более низких его слоев модальным желаемым качеством выступает перевод денег в социальную ценность, а реализуемая ими финансовая деятельность выступает своего рода сочетанием рыночного и социально ориентированного инструментария, который может выступать способом конструирования модели сотрудничества с другими слоями населения или дистанцирования от них.

Финансисты рассматриваются автором как социально-профессиональная группа, обладающая социально-статусными позициями в структуре общества на основе монополии на финансовую деятельность. В рамках социологической концептуализации понятия «социальная субъектность финансистов» Ю.Ю. Волков выгодно использует социальный символизм и структурно-конструктивистский подход. С позиции социального символизма доказано, что финансисты как субъекты финансовой деятельности ориентированы на социальную автономию, социальное участие и социальное партнерство. Структурно-конструктивистский подход позволил ввести в исследовательский оборот структурные, институциональные и ценностные критерии субъектности финансистов в российском обществе.

Автор монографии раскрыл и описал социоструктурные детерминанты социальной субъектности российских финансистов, которые проявляются в их притязаниях на высокостатусные социально-профессиональные позиции. Социальное позиционирование финансистов выражается в понимании собственной автономности внутри российской элиты и формировании контрактных отношений с другими социально-профессиональными группами. Исследование Института

социологии РАН «О чем мечтают россияне?» демонстрирует престижность профессии финансистов в массовом сознании российского общества, связанную с доходами, образованием и отсутствием высоких рисков трудоустройства и занятости, а также ее привлекательность для россиян по сравнению с торговлей, бытовым обслуживанием, правоохранительными и силовыми структурами. Профессия финансиста по критерию престижности уверенно разделяет первые позиции с государственным и муниципальным управлением, здравоохранением, наукой и культурой. Финансовая деятельность понимается как источник перспективной карьеры, самореализации и высокодоходной работы.

Тем не менее Ю.Ю. Волков справедливо останавливается на следующем моменте. Основное социальное противоречие российского общества – полярность «бедный – богатый» – пока сохраняет определенный уровень социальной дистанцированности по отношению к финансистам. Однако финансисты как социально-профессиональная группа не обладают властными ресурсами и испытывают определенные социальные ограничения и административно-правовые барьеры со стороны чиновничества, что приводит к восприятию россиянами финансистов как ограниченной в социальной субъектности группы, находящейся под давлением бюрократических структур.

Еще одним сдерживающим рост социальной субъектности финансистов фактором, по мнению автора, является неразвитость институциональной среды, вызванная дефицитом обратных связей с обществом, чрезмерностью государственного регулирования финансовой сферы и институциональными искажениями, связанными с деформализацией формальных норм. Финансовая деятельность требует экономической рациональности, а соответствие институциональных норм и существующих финансовых практик в России, увы, пока не достигнуто. Формальные нормы закреплены в качестве инструмента правовой гарантированности, а неформальные нормы определяют состояние внутриинституциональных отношений в финансовом обществе. Сформировавшееся равнозначное сосуществование формальных и неформальных практик создает стабильность и своего рода стагнацию в институциональной среде, в результате чего замедляется рост социальной субъектности финансистов.

Ю.Ю. Волков ярко продемонстрировал влияние ценностной картины российского общества на границы и содержание социальной субъектности российских финансистов, которое заключается в сближении терминальных (фундаментальных) и инструментальных ценностей финансистов и других групп населения в контексте прагматиза-

ции социальных отношений. Для российской ментальности характерны этатизм и установки «человека политического»; в основе же западной цивилизации лежит рациональный расчет, ценности и установки «человека экономического». Примечательно, что автор подчеркивает, что российские финансисты не исповедуют западные ценности, а ориентированы на синтез модернистских и традиционных российских ценностей.

Выгодно отличает представленную монографию апелляция Ю.Ю. Волкова к результатам проводимых авторских эмпирических исследований, которые продемонстрировали, что в финансовом сообществе сосуществуют три группы: инноваторы, адаптанты (умеренные патриоты) и неопределившиеся (консерваторы). Наличие трех различных групп свидетельствует о противоречивости образа российского финансиста, который сочетает в себе и применение нелегитимных практик, и освоение социальных и технологических инноваций, и реальную социальную благотворительность, и отсутствие элементарного социального милосердия. Однако автор выделил единое общее стремление, характерное для всех групп российских финансистов, – это их стремление к усилению профессиональной и корпоративной независимости.

Высокая теоретическая и практическая значимость данной монографии, ее оригинальность, целостность, концептуальная завершенность, а также неподдельный интерес, который она вызывает при чтении, благодаря стройности и логичности подачи материала говорит о высоком профессионализме автора и его научной зрелости. Монография Ю.Ю. Волкова «Социальная субъектность финансистов в российском обществе: структурное, институциональное и ценностное измерения», безусловно, внесет весомый вклад в развитие российской социологической мысли.